

ПУД МУКИ

Рассказ

Август в этих местах был почти всегда холодным, а нынче он стоял тихим, многоцветным и теплым, даже жарким. Если смотреть на тайгу сверху, то видно было бугристую цветную шубу, которая покрывала невысокие горы со всех сторон до горизонта. Все дышало покоем и умиротворением. И природа, и зверье, и человек тихо готовились к совсем недалекой осени, а затем к суровой в этом крае зиме. В тайге вял и желтел папоротник. С лип, берез и других деревьев тихо падал лист. Пламенела волчьими языками рябина, и не кричал часто, как летом, лесной голубь, и не ухал филин. Вода в реках и озерах делалась все холодней. Ночами из тайги стало тянуть холодом. Травы бурели и никли. Только огромные сосны и ели стояли, как великаны, показывая свою мощь и незабываемость...

Деревушка Лыковка карабкалась вверх по вырубке на невысокую гору. Избы стояли врассыпную: ни улиц, ни переулков. Всего двадцать семь домов... Избы невысокие, приземистые, срубленные без всякой фантазии. На некоторых крышах росли трава и даже табак. Хороших и просторных домов не было, хотя леса вокруг было море. На задах стояли баньки по-черному. Даже избы некоторые были без труб, тоже черные избы... Словом, Лыковка была чалдонской деревушкой, и жили здесь чалдоны, предки которых неведомо когда приплыли сюда по Волге и Каме с Дона.

В Лыковке больше половины чалдонов носили фамилию Лыковых. Такую же фамилию имел и Афоня. Его изба стояла на окраине деревушки. До тайги — рукой подать. Как обычно, сегодня он поднялся рано, когда над кромкой тайги встало солнце. Болела голова, во рту пересохло, а на губах образовались наросты слизи. Вчера он гулял на дне ангела в поселке у стрелка Васьки Чагина и нажрался не в меру самогона, который здесь настаивали особо — на табаке и курином помете...

Афоня совершенно не помнил, как это он добрался до Лыковки. Целых три версты ведь. Что-то болел затылок, наверно, Агафья приложила руку, злобясь на мужа. Это уж точно... Пить хотелось страшно. Он с усилием поднялся, сбросил старое солдатское одеяло и сел на край кровати. Сначала он посмотрел на свое худое, жилистое тело, затем огляделся вокруг. Никого дома не было, Агафья, видимо, ушла на ток молотить рожь. У самой кровати лежала распластанная черная медвежья шкура, и он чувствовал тепло и щекот медвежьего ворса.

Афоня поднялся и почти побежал в сенцы, зачерпнул из бочонка ковшом прохладную воду и начал жадно пить. Стало сразу легче. На дворе раздался лай, и в открытые двери ворвался Ерунда. Он весело запрыгал, заюлил возле хозяина. Лицо Афони оживилось. Он сел на край скамейки, а собака встала на задние лапы, передние лапы положила ему на голые колени. Афоня стал гладить собаку по голове.

— Скажи, Ерунда, это ты меня вчерась довел до избы? Должно — ты, коли я живехонек...

Собака повизгивала и преданно смотрела прямо в лицо хозяина. Пес был небольшой. Шерсть длинная, темно-серая, уши торчком, мохнатый хвост кренделем. Морда длинная, а в пасти большие клыки, как у рыси. Афоня и сам не знал, какая порода сидит в Ерунде. Два года назад Верка Лыкова принесла ему щенка: двухмесячного, мохнатого и с виду веселого.

— Афанасий Емельяныч, возьми, жалко бросить-то его. Нюрка, подруга, сунула в дар ко дню ангела, а сама чичас в город уехала. Учиться будет дале... А я куды со щенком?

— А не знаешь, какой он породы?

— Не вестимо, Емельяныч.

Афоня погладил щенка, тот заворчал и залаял. Афанасий засмеялся:

— Кликать-то как его?

Теперь засмеялась Верка:

— Ерундой девки назвали.

— Это как же? Кобель, да Ерунда?..

— Вот те крест, Афанасий Емельяныч. Ерунда он...

Афоня снова засмеялся и опять погладил щенка.

— Ерунда, так Ерунда. Чудно токмо...

Без собаки ему было никак нельзя, а своего Полкана он увел в тайгу и застрелил со слезами на глазах. Хорошая была собака — сибирская лайка, на любую дичь шла. Но пошли у нее по телу язвы, а из пасти потекла желтая слюна. Вот и пришлось кончить...

Он вздохнул тяжело, выпил еще полковша воды и вспомнил, что в подполе у него был самогон. Но опохмеляться нельзя: от Агафьи попадет, и вообще, похмелье — вторая пьянка. Афоня в своей Лыковке боялся только Бога да Агафью. Давно она наказывала ему сходить в тайгу за шиповником, который здесь употребляли все как заварку и как лекарство.

— Еще покимарю и сбегаю, — сказал он тихо сам себе, а потом поглядел на собаку и ей:

— Давай беги во двор к курам, Ерундистика.

И он, чуть пошатываясь, пошел к своему ложу.

Если на Афоню посмотрел бы в это время кто-нибудь посторонний, не лыковский, то точно бы засмеялся: ноги тоненькие и кривоватые, ребра хоть считай, лицо длинное, кирпичного цвета от загара. А редкая, сивая бороденка делала его лицо еще длиннее. Волос у Афони — не поймешь — то ли желто-серый, то ли седой. А глазки маленькые, черные и пронзительные. Мальчишки за глаза звали его козлом, и, когда он проходил мимо них, кто-нибудь обязательно начинал блеять по-козлиному. В душе он возмущался, но молча проходил мимо, как будто не замечая ничего. Ведь когда-то и он был такой.

Но, несмотря на все это, Афанасий Лыков был весьма известным не только в Лыковке, но и во всей округе.

Первейший охотник и следопыт, он мог по своим приметам выйти из тайги, взять след зверя, глаз, как он говаривал, был у него, как ватерпас. Зайца бил, не целясь, на вскидку. Он уже забыл, сколько он добыл медведей... Все потому это, что родился и вырос он в этой глухомани. Кроме этого, уважали лыковцы Афоню особо за его грамотейство. Он был единственным грамотным человеком в Лыковке. При царе Николае здесь была церквушка, а при ней — дьячок Иосиф Шилов, сосланный сюда правлением епархии за излишнее почитание Бахуса. Иосиф гордился своим именем — отца Бога, все равно и здесь пил горькую, от случая к случаю служил обедни и всенощные. Он был добр и ласков к людям, поражаясь дремучему быту этих мест.

По доброте своей и от нечего делать, так как службу он служил редко, стал учить дьячок деревенских огольцов грамоте в своей просторной избе. Приправой к учебе, несмотря на мягкость характера, у него служили розги.

Одним из учеников Иосифа и был Афоня. Он хорошо усвоил четыре действия арифметики, читал и писал прилично. Научился даже считать на счетах. К нему приходили лыковцы, прося написать письмецо или какую-нибудь бумажку. Длинными зимними вечерами читал Афоня Библию, которую знал почти наизусть.

И тем не менее был Афанасий Лыков партийным человеком еще со времен коллективизации. Каждый месяц он аккуратно нес пятьдесят копеек в партийную кассу, что находилась в парткоме лагерной зоны. В Лыковке больше его называли просто Афоней, меньше — Афанасием Емельяновичем. А в вольнонаемном поселке, что был при зоне, стрелки окрестили его блатным дедом. В войну он служил в этой зоне надзирателем и нахватался блатных слов, употребляя их теперь при разговоре. Но он нахватался в зоне и других слов, совершенно ему непонятных. Они ему казались значительными и таинственными. Это он перенял от политических, которые мучились в лагере невесть за что... Лыковские бабы страсть как уважали Афоню за эти слова. К примеру, сидят Афоня с Агафьей и соседкой Лукерьей Филипповной, пьют чай. А Агафья и говорит:

— Афоня, я цаю испила уже скоко, а пузо-то холодное?..

Афоне очень не по душе невежество жены, да и вообще всех лыковских баб и мужиков, которые постоянно цокают и окают, и он серьезно отвечает:

— Это у тебя, Агаша, должно быть, иллюзия...

Агафья и Лукерья непонимающе таращат глаза на Афоню:

— А цо это такое? — спрашивает Агафья.

— Это такая болесь — пузо не принимает тепло, — хитро отвечает Афоня.

Кроме всего, Афоня слыл мастером на все руки. Возле избы, на большом лыковском огороде стоял сарай, мастерская Афони, срубленный еще его родителями. Лыков умел все: гнул дуги, делал бочки и плел лапти, хотя лапти плели и другие мужики, но Афоня плел лапти мастерски, с выдумкой и любовью. Мог — с двойной подошвой, с задником, а для лыковских девок он плел особо: остроносые, в мелкую клетку и даже с лыковыми бантиками. Девчата покупали их по рублю за пару. По воскресеньям, на вечеринках в поселковом клубе они танцевали золотыми ножками краковяк и тустеп.

Со своей Агафьей плел он из лыка веревку и сдавал ее в лагерную зону по копейке за метр.

А вот с детьми Лыковым не повезло. Сын Емельян, названный в честь деда, в сорок первом пошел добровольцем на фронт и пропал без вести. Рыжеволосую красавицу Настю, которую оперуполномоченный Лютов называл Рыжей Венерой, увез в город офицер, приехавший в зону с активировочной комиссией. И с того времени она как в воду канула. Ни слуху ни духу.

Афанасий Емельянович не любил вспоминать свою работу в надзорсоставе, хотя она позволяла ему избежать фронта. Став надзирателем, он получил огромную власть над людьми: мог карать и миловать. Но он понял вскоре, что это призрачная, временная власть. Властвовать над подневольными людьми — не укладывалось в его сознании, подчиненном библейским законам. Кроме того, служба в зоне занимала много времени и отрывала его от любимых дел. Но все же надзиратель Афоня и карал, и миловал. Особенно карал он уголовников, которых люто ненавидел. Еще бы! Идет он, к примеру, по зоне после отбоя мимо барака, а из форточки ему кричат:

— Дедушка, пес вохровский! Иди к нам, мы тебя опедрастим!..
Бежать в барак, выяснять кто, дело бесполезное: там все лежат на нарах и даже храпят, а дневального нет — ушел в кипятилку за горячей водой.
Другое дело — политические. У них в бараках чистота и порядок: ни ругани, ни драк. И почти у каждого — огромный срок...

Одного не понимал Афоня, как это за плен, за какое-то окружение, давали такой срок? Война есть война. На войне всегда убивали, окружали и брали в плен. Сидеть же за прочитанную вражескую листовку, за ненароком оброненную запретную фразу — уму непостижимо... По мнению Афони, среди политиков были и великие умницы, например, Задонский Петр Всеволодович, профессор, доктор каких-то наук. Как заговорит, аж башка идет кругом... Кто, к примеру, он, Афанасий Лыков, супротив его? Хрен комариный! Не больше! И этот Задонский — враг народа... Здесь Афоня тоже ничего не понимал: как это образованный и культурный человек оказался вдруг врагом нашим... Как это он, русский человек, пошел супротив своего народа?! С другой стороны, все воры, насильники и убийцы должны быть уничтожены, пострелять их всех — и все тут. Невинные не должны сидеть за решеткой...

Уважали Афанасия Емельяновича лыковцы за усердие и трудолюбие, но корили его, особенно бабы, за коммунию и за то, что на Троицу и Покров страшно запивался...

* * *

Афоня проснулся оттого, что на дворе залаял Ерунда, потом вдруг кто-то тронул его за плечо:

— Афанасий Емельянович, проснись!

Он моментально встрепенулся и открыл глаза. Перед ним стоял сержант Кожевников, в полной форме, здоровенный вохровец. Афоня откинул одеяло и сел:

— Што тако?

— Побег в зоне случился, сѣдня утром. Вот Медников к тебе послал, просит идти в поиск...

Лицо Афони просветлело враз.

— Кто ушел? Откуда? — живо спросил он. — Почему не стрельнули?

Сержант чуть улыбнулся:

— Сѣдня Васька Чагин повел бригаду в Липовую падь драть лыко. Ты знаешь — из лаптеплеточной? Девять человек всего. Там же одни доходяги, в лаптеплеточной-то... Бычка взяли, повозку для лыка, а Васька с похмелья очень внушительно вчерась гулял.

— Знаю, — прервал его Афоня, — я у него был, едва до избы добрался.

Кожевников понимающе кивнул и продолжал:

— Привел, значит, их Васька, а сам настелил лап, карабин на сучок повесил, предупредил старшего, мол, чуть чего, разбуди... И мертво заснул. Ну и ушел тот... Почто не уйти?.. Теперя с Чагина погоны сорвут и вообще выгонят из дивизиона.

— Послушай, а не знаешь, кто ушел-то? Политик или уголовник?

— Не знамо. Только он слабый и далеко не уйти ему...

По лицу Афони пробежала едва заметная довольная улыбка:

— Лады, Ефим, я мигом соберусь.

— Давай. А мне на службу...

На дворе лаял и прыгал около коня Кожевникова Ерунда. Сержант вскочил на коня и, крикнув «пошел», галопом поскакал по дороге. Афоня, стоя на пороге, смотрел ему вслед. Потом, войдя в избу, снова сел на кровать, соображая, что к чему. Перед его глазами вдруг возник пудовик крупчатки с двумя нулями на мешковине... Не мука, а солнце. Здесь такой и во сне не увидишь. Агаша блинцов напечет... Лапша с курятиной... Он даже облизнулся, хотя до крупчатки было еще далеко. Но Афоне уже казалось, что пудовик почти что у него в руках.

Ему льстило, что сам майор Медников, хозяин зоны, обратился к нему. А, по правде говоря, больше и обратиться-то не к кому. Часть лыковских мужиков ухайдакали немцы, а те, кто остался в живых, служат в вохре... Здесь, если побег, начальство лагеря обращается к мужикам за помощью. За беглого, живого или мертвого, со склада выдавался пуд белой муки и две банки бобовых консервов в томатном соусе. И многие, кто мог, шли в поиск, потому как тут, кроме ржанухи и картошки, ничего не было.

И Афоня стал собираться. Делал это он быстро, не суетясь. Снял со стены ружье, посмотрел стволы на свет, зарядил патронами с картечью, слазил в подпол, отрезал копченой лосятины, налил во фляжку самогону. На всякий случай... В тайге родников уйма, воды брать не надо... Еще отрезал он краюху хлеба и взял луковицу, спички, кружку и соль. Обязательным снаряжением в таком походе был и нож. Все это сложил Афоня в вещмешок, сунул туда же старый офицерский китель, подаренный в прошлом году оперуполномоченным Лютовым. Вечером в августе уже прохладно. У Афони был свой порядок. Если он шел за крупным зверем или хотел что-либо сделать серьезное, важное, тогда шел он в угол избы, где стояла небольшая икона Богоматери с младенцем на руках и висела на цепочке тлеющая лампада. Идя летом в тайгу, он всегда надевал лапти. В них